Илья в ссоре с Владимиром

А тот ли-то князь да стольнё-киевской
А й сделал как задёрнул свой почестной пир
Для князей, для бояр да для бога́тырей,
А для тых богатырей да русскиих,
Чтобы всяко званиё да шло́ туды
А на тот, на тот да на почестный пир
А к стольнему князю ко Владимиру.
Да забыл он позвать да что лучшаго,
А что лучшаго да лучшаго бога́тыря,
А старого казака Илью Муромца.
Да тут-то ведь к Ильюше не к лицу пришло,
А не к лицу пришло, стало похабно есть,
И тут-то Илья да роззадорился,
А тут-то Илья да розретивился.
Как скоро натянул он свой ту́гой лук
А клал он тут стрелочку каленую,
А тут-то сам Ильюшенка роздумался:
— А что мне, молодцу, буде́ поделати?
А я нынь молодец е розгневанной,
А я нынь молодец есть роздра́женной.
Как он-то за тым тут повы́думал,
А стрели́л-то он тут по божьи́м церквам,
А по тым стрели́л по чудны́м крестам
А по тым маковкам золоченыим.
Да пали тут тыи маковки,
Да пали тут, отпали на сыру́ землю,
Да сам он закрычал тут во всю голову:
— Да ай же вы были го́ли мои,
А голи мои вы кабацкии,
А доброхоты-то вы еще царскии!
А собирайтесь-ко вы да сюда́-то вси,
А обирайте маковки вси золоче́ныи.
А подёмте-ко вы да со мной еще
А тот-то на тот да на царев кабак,
Как станем нунь пить да зелена́ вина,

Да станем-то пить да заодно со мной.
Да как тут-то эты да го́ли были,
А голи были оны кабацкии,
А доброхоты всё были царскии,
Обирали маковки тыи золоче́ныи,
Самы оны к ему да прибегают все:
— А батюшко ты да отец наш был!
А пили тут оны да зелено́ вино,
Как пили тут оны да заоднёшенько.
Да как видит-то князь, что беда пришла,
А беда-то пришла да неминучая,
Да как тут-то он да е скры́м-скоро́,
А скорым-скоро́, скоро́-скоре́шенько,
А сделал он задернул тут почостный пир
А для старого казака Ильи Муромца.
Да тут-то ведь князь да стольнё-киевской,
Да тут-то ведь он еще думал есть
Со князьями со бояры со русийскима,
А со тыма со могучима богатырмы:
— А думайте-тко, братцы, вы нунь думушку,
А думайте́-тко, братцы, думу крепкую,
А думайте думу, не продумайте:
А нам кого буде́т послать да Илью́ позвать,
А позвать сюды к нам на почестной пир,
А старого казака Илью Муромца?
А как тут-то они да думу думали:
— А нам-то есть кого послать Илью позвать?
А пошлем-ко мы Добрынюшку Микитича,
Он ёму да ведь брат крестовыи,
А крестовыи-то братец да назва́ныи,
Дак он-то, быват, его послушает.
Как тут-то Добрынюшка Микитинич
А приходит-то он братцу до крестовому,
Да как здравствует он братца да крестоваго:
— А здравствуй-ко, братец мой крестовыи,
А крестовыи братец мой назва́ныи!
Да как старыи казак Илья Муромец
Да как он-то его да также здравствует:
— Ай здравствуй-ко, брат мой крестовыи,

А молодой Добрынюшка Микитинич!
Ты зачем же пришел да загулял сюда?
— А пришел-то я, братец, загулял к тебе,
А о деле-то пришел да не о малоем.
Да у нас-то с тобой было раньше того,
А раньше того дело поделано:
А по́писи были попи́саныи,
А заповеди да пополо́жоныи,
А слушать-то брату да ме́ньшому,
А ме́ньшому слушать брата бо́льшого.
Да еще-то как у нас да е́сте с тобой
А слушать-то брату ведь бо́льшому,
А й бо́льшому слушать брата ме́ньшаго.
Да тут го́ворит Илья таково́ слово:
Ах ты братец да мой да был крестовыи!
Да как нунечку топеречку у нас с тобой
А все-то по́писи да были ведь попи́саны,
А заповеди были попо́ложены,
А слушать-то брату ведь ме́ньшому,
А ме́ньшому слушать да бо́льшаго,
А бо́льшому слушать брата ме́ньшаго.
Кабы не братец ты крестовый был,
А некого бы я не послушал зде!
Дак послушаю я братца нунь крестоваго,
А крестоваго братца я назва́наго.
А тот ли-то князь стольне-киевской
А знал-то послать меня кого позвать!
Когда ты меня, Добрынюшка Микитинич,
Меня позвал туды да на почестной пир,
Да я тебя, братец, же послушаю.
Да приходит он к князю к Володимеру
Да тот старыи казак да Илья Муромец
А со тым с Добрынюшком с Микитичем,
А со братом со своим да со крестовыим.
А давают ему тут место не ме́ньшое,
А не ме́ньшое место было — бо́льшое,
А садят-то их во больши́й угол,
А во большо́й угол да за большо́й-от стол.
Да как налили тут чару залена́ вина,

А несли эту чару рядо́м к ему,
А к старому казаку к Ильи к Муромцу.
Да как принял он чару едино́й рукой,
А выпил он чару во еди́ной здох.
А другу наливали пива пьянаго,
А несли эту чару рядо́м к ему,
А принял тут Ильюша едино́й рукой,
Еще выпил он опять тут во еди́ной здох.
Как третью наливали меду сладкаго,
Да принял молодец тут едино́й рукой,
Еще выпил он опять тут во еди́ной здох.
Тут наелиси, напились вси, накушались,
Да стали тут оны да вси пьянёшеньки
А стали тут оны вси веселешеньки.
Как говорит Илья тут таково́ слово:
— Ай же ты, князь стольнё-киевской!
А знал-то послать кого меня позвать,
Послал-то братца ко мне ты крестоваго,
А того-то мни Добрынюшка Никитича.
Кабы-то мни да ведь не братец был,
А некого-то я бы не послу́хал зде,
А скоро натянул бы я свой тугой лук,
Да клал бы я стрелочку каленую,
Да стрелил бы ти в гридню во столовую,
А я убил бы тя князя со княгиною.
За это я тебе-то нунь прощу
А этую вину да ту великую.

(Записано 26 июля 1871 года от Никифора Прохорова из деревни Бураковой Пудожского уезда.)

Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года.
Изд. 4, т. I, 1949. М. — Л.